

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

Бунин — переводчик «Гамлета» Шекспира

Н. В. ЗАХАРОВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

Статья посвящена опыту работы И. А. Бунина над переводом «Гамлета» Шекспира, который оказал значительное влияние на формирование бунинских взглядов на перевод и его отношение к шекспировскому критицизму Л. Н. Толстого.

Ключевые слова: Бунин, перевод, Шекспир, «Гамлет», Толстой.

Bunin — a Translator of Shakespeare's «Hamlet»

N. V. ZAKHAROV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

The article covers Bunin's experience in his work on translation of Shakespeare's «Hamlet» that had a significant influence on the formation of his views on translation and his attitude to Tolstoy's criticism of Shakespeare.

Keywords: Bunin, translation, Shakespeare, «Hamlet», Tolstoy.

Роль И. А. Бунина в истории русской литературы неоспорима и чрезвычайно важна. Чистота языка, отчетливость образов и совершенная цельность композиции — все эти черты мастерства присущи Бунину и делают его произведения безупречными литературными образцами русского классического реализма.

Не менее значителен вклад Бунина в развитие истории и теории русского перевода. Как переводчик И. А. Бунин выполнил кон-

гениальные переводы «Песни о Гайавате» американского поэта Г. Лонгфелло (1896), драм и мистерий Дж. Байрона (1904–1909), сонетов А. Мицкевича, лирики А. Теннисона и др. Все они несут на себе печать глубочайшего понимания переводимых текстов. Лучшие из переводов Бунина по праву считаются шедеврами русской поэзии. Перевод поэмы Г. Лонгфелло «Песнь о Гайавате» признан лучшим в русской переводческой традиции. Именно за него в 1903 г. Россий-

* Захаров Николай Владимирович — доктор философии (Ph.D.), кандидат филологических наук, заместитель директора Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, академик Международной академии наук (IAS), ученый секретарь Шекспировской комиссии РАН. Тел.: (495) 374-75-95. Эл. адрес: nikoltine@yandex.ru

ская академия наук присудила Бунину Пушкинскую премию I степени.

Сам Бунин непримиримо относился ко всякого рода искажениям и неточностям, русификации инокультурных текстов, порой доходящей у современников до возгласов: «ох, ты гой еси!» (см. Бунин: 1968, 365). Опыт переводческой деятельности И. А. Бунина исследован в статье А. К. Бабореко «И. А. Бунин о переводах» (Бабореко, 1968: 374–388). Остановимся на одном частном случае, а именно на работе поэта над переводом пьесы «Гамлет» Шекспира, которая, как представляется, сыграла важную роль в формировании Бунина-переводчика, но до сих пор оставалась вне круга интересов историков русской культуры.

Еще в детстве будущий писатель увлекся английской поэзией, с которой познакомился по переводам в издании выдающегося поэта-переводчика, издателя и редактора Н. В. Гербеля «Английские поэты в биографиях и образцах» (Гербель, 1875). В своих воспоминаниях о детских литературных интересах Бунин писал: «Читал я тогда что попало: и старые и новые журналы, и Лермонтова, и Жуковского, и Шиллера, и Веневитинова, и Тургенева, и Маколея, и Шекспира, и Белинского...» (Бунин, 1965–1967: Т. 9. 259).

В ранней юности, еще до того как его собственные произведения попали в печать, Бунин изучал английский язык. Особую роль в самостоятельном изучении английского языка Буниным сыграла шекспировская трагедия «Гамлет». Несмотря на распространенное мнение, что «Шекспир не захватил Бунина, не покорило его воображения» (Бабореко: 1968, 374), писатель извлек из чтения «Гамлета» в 1886–1887 гг. необходимые уроки. Работа над переводом драмы Шекспира целиком поглотила молодого писателя. Сам Бунин вспоминал по поводу перевода в 1929 г.:

«Я, Бог весть почему и зачем, затеял тогда перевод “Гамлета” и мучил себя над ним с необыкновенным и все возрастающим наслаждением, лишь изредка развлекая себя поездками в Васильевское» (РГАЛИ, фонд 44, оп. 3, ед. хр. 4).

По словам Бунина, «Гамлет» «никак не был в числе произведений, близких мне, я чувствовал в нем тогда только художественную красоту. Но вот он случайно попался мне под руку... Я немедленно взялся за работу, и она скоро чрезвычайно увлекла меня, стала радовать даже просто сама по себе, возбуждать своей трудностью, все растущим желанием как-то присвоить себе эту красоту» (там же).

Возможно, Бунин преувеличивал «случайность» своего выбора. В своем интервью, приуроченном к 25-летию литературной деятельности, Бунин в 1912 г. говорил: «На всегда же кумирами моими остались Гёте, Гомер, Пушкин, “Гамлет” Шекспира, Данте, Флобер и Толстой...» (Аз <Зелюк О. Г.>, 1912: 2).

Сохранились воспоминания поэта о его ранних театральных впечатлениях: «Я юношей видел в “Гамлете” знаменитого в ту пору на весь мир России и в антракте получил разрешение войти к нему в уборную: он полулежал в кресле с обнаженной грудью, белый как полотно, весь в огромных каплях пота... Видел, тоже в уборной, знаменитого Ленского из московского Малого театра в совершенно таком же положении, как Россия...» (Бунин, 1976).

Редко кто из начинающих поэтов выбирает для первого перевода с английского языка одно из сложнейших произведений мировой литературы. Бунин пытался творчески покорить вершины «Гамлета». Именно этот выбор, случайный или осознанный, во многом определил дальнейшую эволюцию Бунина-переводчика. Показательно, что Бунин возвращался к переводу «Гамлета» и в дальнейшем. В 1908 г. он предложил его для постановки в Художественном театре К. С. Станиславскому вместо перевода А. И. Кроненберга (1844), в котором «Гамлет» обычно шел на отечественной сцене. 5 ноября 1908 г. Бунин писал Станиславскому: «В газетах много пишут о том, что Художественный театр задумывает ставить Шекспира. Если в этом есть хоть доля правды, будьте добры иметь меня в виду как переводчика, — ровно как

и при постановке «Сарданапала» Байрона, буде таковая осуществится: перевод у меня наполовину готов» (Музей МХАТ, архив КС; На родной земле, 1958: 306; ср. Переписка А. М. Горького и И. А. Бунина, 1961: 42). Ответ Станиславского от 20 ноября 1908 г. похож на вежливую отписку: «Очень тронуты и польщены Вашим предложением. При первом случае — обратимся к Вам. Пока репертуар будущего сезона не выяснен. Правда, что Крэг приглашен и будет работать в театре. Для него как англичанина приятнее всего было бы поставить Шекспира. Мы думаем об этом, но, повторяю, пока еще ничего не решили» (Станиславский, 1960; цит. по: Литературное наследство, 1973: 461). Станиславский так и не решился обратиться к Бунину, хотя вопрос о том, какой перевод «Гамлета» использовать его труппе, ставился им на протяжении всей совместной работы с Гордоном Крэггом в 1909–1911 гг. Так, в письме из Рима своему помощнику Л. А. Сулержицкому от 6 февраля 1911 г. Станиславский предлагал ему выяснить у Немировича и Качалова, по какому переводу те хотят играть, и как альтернативу предлагал использовать перевод К. Р. — Великого князя Константина Константиновича Романова.

В свете этой переписки весьма примечателен рассказ жены Бунина Веры Николаевны. В дни празднования пятидесятилетия со дня рождения Чехова в 1910 г. Бунин с успехом выступил на литературном утреннике, устроенном в Художественном театре в его память. «Станиславский предлагал ему вступить в труппу Художественного театра, привлекал ролью Гамлета» (см.: Устами Буниных, 1977: 90).

Действительно, К. С. Станиславский высоко ценил комический талант Бунина. В своих воспоминаниях режиссер так пишет о его способности развлечь А. П. Чехова: «И. А. Бунин с необыкновенным талантом представляет что-то, а там, где Бунин, непременно стоит Антон Павлович и хохочет, помирает от смеха. Никто так не умел смешить Антона Павловича, как И. А. Бунин,

когда он был в хорошем настроении» (Станиславский, 1958).

Предложение сыграть роль трагического Принца вполне правдоподобно; если это так, то случай с Буниным напоминает сценическую судьбу другого переводчика Шекспира К. Р., игравшего Гамлета на сцене литературно-музыкально-театрального объединения офицеров Измайловского полка «Измайловские Досуги».

Перевод Бунина так и не был закончен и остался неопубликованным. Жена писателя В. Н. Муромцева-Бунина вспоминала: «Никогда он этого перевода не кончил, но все же его занятие помогло ему преодолеть трудности английского языка...» (Муромцева-Бунина, 1958: 50). Этим словам во многом вторят воспоминания племянника Бунина: «“Гамлет”: И<ван> А<лексеевич> очень любил это произведение Ш<експира>. Он не говорил, что собирается перевести эту вещь, но потому, что — на длительном протяжении времени — он, видно было, думал о ней, иногда покупал книги о Г<амлете> и читал, мне казалось, что он хочет ближе подойти к этой пьесе и, м<ожет> б<ыть>, даже перевести ее на русский язык» (ОГАМТ. Ф. 14. № 9076 оф. А. 8).

Похоже, что благодаря этим самоотверженным шекспировским студиям его переводы по праву заслужили «хвалебные отзывы в печати и в письмах даже от англичан, удивлявшихся его тонкому знанию английского языка» (Муромцева-Бунина, 1958: 50). Так, Бунин получил хвалебное письмо от известного английского переводчика профессора Оксфордского университета В. Р. Морфиля, в котором тот писал о «большом таланте» Бунина-пейзажиста, а позже признал перевод «Гайаваты» «точным и сладкозвучным». Созвучное мнение исходило от работавшего в то время в Лондоне зарубежного сотрудника газеты «Русские ведомости» И. Дионео (Шкловский), которые писал Бунину о «Гайавате» 22 марта 1899 г. следующее: «Ваш перевод я прочел, с величайшим наслаждением. Это действительно образцовый перевод: близкий к подлиннику

и в то же время легкий, поэтический, звучный» (цит. по: Бабореко, 1968: 378). Современники поэта отмечали, что, работая над поэмой, Бунин не только продемонстрировал свободное владение иностранным языком, но и достиг совершенного владения русским стихосложением.

Совершенное чувство стиля, бережное отношение к родному слову и музыкальности стиха, прозрения иного толка, осознание необходимости полного погружения в материал, постижение человеческой природы, педантичная и скрупулезная работа над художественным текстом — все это способствовало успеху переводческой деятельности и творческому росту Бунина.

В последующие годы Бунин с увлечением переводил поэзию с разных языков: с итальянского Петрарку и поэтессу А. Негри, с немецкого Г. Гейне, с польского А. Мицкевича (ради переводов из которого он и «учился по-польски» [«Автобиографическая заметка», 1915 г.]), Г. Сенкевича, А. Асныка, с английского А. Теннисона, Т. Мура, поэтессу Ф. Гименс, Т. Гуда, Дж. Г. Байрона, Г. Лонгфелло, с французского Ш. Леконта де Лиля, А. Мюссе, Э. Верхарна, Ф. Коппе, П. Бурже, с украинского Т. Г. Шевченко и др. По подстрочнику Бунин переводил с армянского А. С. Исаакяна и А. И. Цатуряна, стихи еврейского поэта Х. Н. Бялика, татарские народные песни, с бенгальского — Р. Тагора, с персидского — Саади, редактировал переводы Р. Киплинга, Г. Флопера.

Бунин сознавал, что русский язык выражает дух и душу русского народа, безупречное владение родным словом он ставил ничуть не ниже владения иноязычным словом. Бунин был непримирим к чрезмерной напыщенности, вульгарности и фальши. Все это, по мнению писателя, только портило русскую речь. Он был обеспокоен тем, что в современной ему русской литературе терялись естественная простота и благородство художественной речи, т. е. те черты, которые характеризуют пушкинское слово. Своей переводческой работой над высочайшими образцами художественной культуры, такими как

«Гамлет» Шекспира, «Каин», «Небо и земля», «Манфред», «Сарданапал» Байрона, «Годива» и «Энох Арден» А. Теннисона и др., Бунин утверждал фундаментальные ценности русской словесности.

По-своему любопытны отношения Бунина с датским литературным критиком Георгом Брандесом (1842–1927), с которым он находился в переписке в 1922–1925 гг. Кроме трудов по европейской литературе «Датские поэты» (“Danske digtere”, 1877), «Писатели и произведения новой европейской литературы» (“Mennesker og værker i nyere europeisk litteratur”, 1883), Г. Брандес опубликовал первый датский перевод книги Дж. С. Милля «Угнетение женщины» (1875), создал целое направление в биографическом критицизме с ярко выраженным психологически-портретным стилем: «Хенрик Ибсен» (“Henrik Ibsen”, 1898), «Вольфганг Гёте» (“Wolfgang Goethe”, 1914–1915), «Вольтер» (“Voltaire”, 1916–1917), «Гай Юлий Цезарь» (“Cajus Julius Caesar”, 1918) и «Микеланджело Буонаротти» (“Michelangelo Buonarroti”, 1921).

Одной из главных работ Брандеса стала монография «Уильям Шекспир» (“William Shakespeare”, 1895–1896), которая получила высокую оценку на Западе и была раскритикована в России (Brandes G. William Shakespeare: Bd. 1–3. 1895–1896. Рус. пер.: Брандес Г. Шекспир: Жизнь и произведения. М., 1997 (Гений в искусстве). [Переиздание перевода В. М. Спасской и В. М. Фриче. М., 1899]). Характерной особенностью данного труда стало то, что на основе произведений Шекспира Брандес попытался дать цельную картину психической жизни и эволюции поэта — актера из Стратфорда, чья общественная и духовная жизнь почти неизвестна нам по историческим документам. Позитивизм датского критика не нашел сторонников среди представителей Серебряного века, книга Брандеса до такой степени возмутила начинающего философа Льва Шестова, что ей он посвятил свою первую работу «Шекспир и его критик Брандес». В ней Шестов попытался выяснить не только то, что «видит

Брандес в Шекспире», но и то, «чем был Шекспир» на самом деле (Шестов, 1899). Шестов обвинил Брандеса в поверхностном прочтении произведений Шекспира: «...читал он, не углубляясь, и скользил по поверхности вещей. “Мы чувствуем с Гамлетом”, “испытываем с Шекспиром” и т. д. Словом, Шекспир не мешал ему спать» (цит. по: Фондан, 2002: 411). «Тот пессимизм, о котором так приятно разговаривает Брандес, для Шекспира был не теоретическим вопросом, которому он посвящал часы досуга, а вопросом существования. Поэт чувствовал, что нельзя жить, не примирившись с жизнью» (Брандес, 1997). Но главную критику Шестов обрушил на ограниченность научного метода познания как такового, его неспособность раскрыть окружающий мир во всем его многообразии.

Неизвестно, как труд Брандеса повлиял на восприятие Буниным шекспировского наследия, но свою лояльность к работам датчанина он пронес через всю свою жизнь. Цитаты из Брандеса появились еще в ранних публицистических статьях (см. его неподписанную заметку: Литература и печать // Орловский вестник. 1889. № 126. 22 сентября. С. 3). Находясь в эмиграции, Бунин высладал Брандесу переводы своих книг, хвалебный отклик критика так порадовал русского писателя, что тот сразу опубликовал его в эмигрантской пьесе, сделав тем самым литературным фактом (см.: Письмо Георга Брандеса Ив. Бунину // Возрождение. 1925. № 194. 13 декабря. С. 4; Он же: И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. I / сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М., 2004. С. 230). В любом случае трудно себе представить, чтобы Бунин обошел своим вниманием столь значительную работу Брандеса, как его труд о Шекспире.

Бунин вспоминал слова Чехова по поводу отрицательной оценки Шекспира у Льва Толстого: «Вот он (Толстой. — Н. 3.) иногда хвалит Мопассана, Куприна, Семенова, меня... Отчего хвалит? Оттого, что он смотрит на нас, как на детей, которые, подражая взрослым, тоже делают то то, то другое вро-

де взрослых: воют, путешествуют, строят дома, могут и писать, издавать журналы... Наши повести, рассказы, романы для него именно такие детские игры, и поэтому он, в сущности, одними глазами глядит на Мопассана и на Семенова. Вот Шекспир — другое дело. Это уже взрослый, и он уже раздражает его, пишет все не так, как надо, не по-толстовски...» (Бунин, 1937: 214). Похоже, что Бунин разделял точку зрения Чехова и воспринимал антишекспиризм Толстого как своеобразное чудачество: «Он сам виноват между прочим и в том совершенно нелепом мнении, которое утвердилось за ним, как о художественном критике: “Ни в грош не ставил Шекспира и восхищался бездарным писателем из народа Семеновым!”». Семенов стал знаменит в этом смысле. Но вот несколько строк из одних воспоминаний на счет этого Семенова:

— Однажды Л. Н. неожиданно вошел в залу, где читали вслух рассказ Семенова. “Как фальшиво! Ах, как фальшиво!” сказал он, морщась. Но дослушав до конца, где говорилось о развращающем влиянии города на чистую деревенскую душу, он вдруг с особым жаром стал расхваливать рассказ: заставил себя расхваливать» (Бунин, 1937: 152–153).

Этот комментарий Бунина во многом раскрывает противоречивую природу толстовской критики Шекспира.

Бунин критически относился как к взглядам Толстого на Шекспира, так и к его влиянию на своих детей: «Дети Толстые сначала ходили в церковь, а потом весело и легко (по крайней мере с виду) оставляли и меняли свои верования... Что ж, все это было вполне понятно, все шло от отца. Смеяться над попами и называть Шекспира бездарностью стало как бы обязательным в толстовском доме, хотя тут надо оговориться». Более того, Бунин вспоминал, что и сам Л. Н. Толстой был несколько разочарован таким оголтелым нигилизмом своих детей: «Однажды он (Толстой. — Н. 3.) сказал про Шекспира: “Мои дети его совсем не понимают, всего замечательного, что есть в Шекс-

пире, они не могут, конечно, понять, схватывают только мои бранные слова о нем» (Устами Буниных, 1977: 127–128). Противоречивый характер взглядов Толстого и даже некоторую эксцентричную эпатажность Бунин строго осуждал (Бунин, 1937: 152).

Шекспир был для Бунина непререкаемым авторитетом в поэзии, его не мог затмить даже Толстой, «величайший и несравненный во всем...» (Аз <Зелюк О. Г.>, 1912: 2). Его незавершенный перевод пьесы Шекспира остается одной из интереснейших страниц истории отечественной словесности. Этот опыт позволил Бунину совершенствовать переводческое мастерство, которое было присуще ему, но к которому он тем не менее всегда стремился в своем творчестве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аз <Зелюк О. Г.> (1912) Наши беседы: У академика И. А. Бунина // Одесский листок. № 207. 6 сентября.
- Бабореко, А. К. (1963) Русская литература. № 2.
- Бабореко, А. К. (1968) И. А. Бунин о переводах // Мастерство перевода. М. : Советский писатель. С. 374–388.
- Бабореко, А. К. (1983) И. А. Бунин. Материалы для биографии с 1870 по 1917. 2-е изд. М. : Худ. лит.
- Бабореко, А. К. (1993) Дороги и звоны: Воспоминания. Письма. М. : Моск. рабочий.
- Бабореко, А. К. (2004) Бунин: Жизнеописание. М. : Молодая гвардия.
- Брандес, Г. (1997) Шекспир: Жизнь и произведения. М.
- [Бунин И. А.] (1889) Литература и печать // Орловский вестник. № 126. 22 сентября.
- Бунин, И. А. (1937) Освобождение Толстого. Paris : YMCA-PRESS.
- Бунин, И. А. (1965–1967) Собр. соч. / под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М. : Худ. лит. Т. 9.
- Бунин, И. А. (1968) Письмо к Д. Л. Талькову (от 27 июня 1915 года) // Мастерство перевода. М. : Советский писатель. С. 365–373. (Публикация А. К. Бабореко).
- Бунин, И. А. (1976) Автоинтервью // Наука и жизнь. № 6. (Публикация и вступление А. К. Бабореко).
- И. А. Бунин: Литературное наследство. (1973) / Институт мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР; ред.: В. Г. Базанов, Д. Д. Благой, В. Р. Щербина (гл. ред.) и др. Т. 84. Кн. 2. М. : Наука.
- И. А. Бунин: Новые материалы. (2004) Вып. I / сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. М.
- Гербель, Н. В. (1875) Английские поэты в биографиях и образцах. СПб.
- Муромцева-Бунина, В. Н. (1958) Жизнь Бунина. Париж.
- На родной земле: Литературно-художественный сборник. (1958) Орел.
- Переписка А. М. Горького и И. А. Бунина. (1961) / публ. и примеч. Ф. М. Иоффе и С. И. Доморацкой // Горьковские чтения 1958–1959. М. : АН СССР.
- Письмо Георга Брандеса Ив. Бунину. (1925) // Возрождение. № 194. 13 декабря.
- Станиславский, К. С. (1958) Статьи. Речи. Заметки. Дневники. Воспоминания (1877–1917) / ред. тома Г. В. Кристи // Собр. соч. : в 8 т. М. : Искусство. Т. 5.
- Станиславский, К. С. (1960) Письма 1886–1917 // Собр. соч. : в 8 т. М. : Искусство. Т. 7.
- Устами Буниных. (1977) Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / под ред. М. Грин. В трех томах. Франкфурт-на-Майне : Possev-Verlag ; V. Gorachek K. Gk. T. I.
- Фондан, Б. (2002) Разговоры с Львом Шестовым // Антология «Нового журнала». М.
- Шестов, Л. (1899) Шекспир и его критик Брандес. СПб.